

Контекстуальная аргументация в гуманитарных науках

А.А. Ивин

доктор философских наук, профессор

И.П. Никитина

доктор философских наук

В статье показывается, что из всех возможных способов аргументации (обоснования) в гуманитарных науках, в частности, в киноведении, наиболее широко применяются так называемые неуниверсальные, или контекстуальные, способы обоснования. Авторы отстаивают тезис о рациональности контекстуальной аргументации. В статье рассматриваются конкретные контекстуальные аргументы, характерные для обоснования гуманитарного знания: аргумент к традиции, здравому смыслу, авторитету, вкусу, моде и др.

УДК 001.85

АННОТАЦИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

гуманитарные науки, обоснование знания, аргументация, универсальная аргументация, контекстуальная (неуниверсальная) аргументация, традиция, авторитет, здравый смысл, вера, интуиция, вкус, мода

Все способы аргументации делятся на универсальные и контекстуальные. Универсальные способы обоснования (убеждения), подобные обращению к опыту (эмпирическое обоснование) и логическому обоснованию, действенны в любой аудитории. Всякого можно убедить в том, что снег белый и трава зеленая, показав белый снег и зеленую траву (эмпирическое обоснование). В случае логического обоснования: если принимается тезис, что «все хорошие фильмы являются также коммерчески успешными» (первая посылка) и что «фильм “Москва слезам не верит” является хорошим» (вторая посылка), то должно быть принято также заключение, что «этот фильм является коммерчески успешным» (вывод). Если и возникают какие-то сомнения по поводу этого логического вывода, то они связаны только с тем, что первая его посылка является, скорее, не истинным, а только правдоподобным утверждением.

В отличие от универсальных способов обоснования (эмпирического, логического) контекстуальные способы аргументации (неуниверсальные) действительны не всегда, а только в определенных аудиториях. Например, ссылка на традицию воздействует лишь на тех, кто принадлежит данной традиции; ссылка на авторитет значима только для того, кто признает этот авторитет, и т. д. Здравый смысл, вера, вкус являются разными у представителей разных социальных общностей и культур.

Контекстуальные способы обоснования применяются во всех науках, однако в гуманитарных науках (культурология, искусствоведение, эстетика и др.) они являются необходимой составной частью аргументации.

Долгое время контекстуальное обоснование считалось *нерациональным* или даже *иррациональным*. Казалось, как можно ссылаться на здравый смысл, веру или вкус, если они меняются со временем и средой. Только в последние десятилетия стало ясно, что без контекстуальных, зависящих от аудитории аргументов не способны обходиться ни гуманитарные, ни социальные науки. Таким образом, *контекстуальное обоснование рационально*. Другой вопрос, что его использование носит, как правило, неявный, имплицитный характер. Ссылки на традицию, а тем более на здравый смысл, интуицию и моду, редко фигурируют в открытом виде. Чаще всего о них можно только догадываться по контексту рассуждения.

Традиция

Из всех контекстуальных аргументов наиболее употребим и наиболее значим *аргумент к традиции*. В сущности, все контекстуальные аргументы содержат в свернутом, имплицитном виде ссылку на традицию. Признаваемые авторитеты, интуиция, вера, здравый смысл, вкус и т. п. формируются исторической традицией и не могут существовать независимо от нее.

Традиция представляет собой анонимную, стихийно сложившуюся систему образцов, норм, правил и т. п., которой руководствуется в своем поведении достаточно обширная и устойчивая группа людей.

Чуткость аудитории к приводимым аргументам в значительной мере определяется теми традициями, которые она разделяет. Традиция закрепляет те наиболее общие допущения, в которые нужно верить, чтобы аргумент казался правдоподобным, создает ту предварительную установку, без которой он утрачивает свою силу. При этом «...один и тот же аргумент, выражающий одно и то же отношение между понятиями

¹ Фейерабенд П.
Избранные труды
по методологии
науки. М.: Прогресс,
1986. С. 469.

и опирающийся на хорошо известные допущения, — отмечает П. Фейерабенд, — в одно время может быть признан и даже прославляться, в другое — не произвести никакого впечатления»¹.

Традиционализм и антитрадиционализм — две крайние позиции в трактовке традиций. Традиционализм исходит из убеждения, что практическая мудрость по-настоящему воплощена в делах, а не в писаных правилах, и ставит традицию выше разума. Антитрадиционализм, напротив, считает традицию предрассудком, который должен быть преодолен с помощью разума. Тем не менее, безусловной противоположности между традицией и разумом не существует. «Сколь бы проблематичной ни была сознательная реставрация старых или сознательное основание новых традиций, романтическая вера в “естественные традиции”, перед которыми разум якобы просто-напросто умолкает, исполнена не меньших предрассудков...»². Можно сказать, что *традиция — это точка пересечения человеческой свободы и человеческой истории*. Традиция завоевывает свое признание, опираясь прежде всего на познание, и не требует слепого повиновения. Она не является также чем-то подобным природной данности, ограничивающей свободу действия и не допускающей критического обсуждения. Разум не является неким изначальным фактором, призванным играть роль беспристрастного и безошибочного судьи. Разум складывается исторически, и рациональность может рассматриваться как одна из традиций. Вместе с тем *разум — это привилегированная традиция, а не одна из многих равноправных традиций*. Он старше всех иных традиций и способен пережить любую из них. Он универсален и охватывает всех людей, в то время как другие традиции ограничены не только во времени, но и в пространстве. Разум — самая гибкая из традиций, меняющаяся от эпохи к эпохе. Он представляет собой критическую, в частности самокритическую, традицию. И наконец, разум имеет дело с истиной, стандарты которой не являются конвенциональными.

Противоположность традиции и разума носит относительный характер: традиции складываются при участии разума, а сам разум в каждый конкретный период является продолжением и развитием имманентно присущей человеку традиции рациональности.

Обращение к традиции для поддержки выдвигаемых положений — обычный способ аргументации в гуманитарных науках, в которых новаторство постоянно сдерживается кажу-щимися здравыми и оправдавшими себя традициями.

² Гадамер Х.Г.
Истина и метод.
М.: Прогресс,
1988. С. 334.

Авторитет

Аргумент к авторитету — это ссылка на мнение или действия лица, прекрасно зарекомендовавшего себя в данной области своими суждениями или поступками.

Традиция складывается стихийно и не имеет автора, авторитетом же является конкретное лицо. Ссылка на авторитет встречается во всех областях познания и деятельности. Библиотеки и музеи — это собрания мнений авторитетов, занимавшихся разными областями знания. Изучение истории, этики, эстетики, искусствоведения и других наук, имеющих дело с человеческой деятельностью, является одновременно и воспитанием уважительного отношения к определенным авторитетам. От уважительного отношения к авторитетам следует отличать *авторитарность* — слепое преклонение перед ними.

Авторитарное мышление стремится усилить и конкретизировать выдвигаемые положения прежде всего на основе поиска и комбинирования цитат и изречений, принадлежащих признанным авторитетам. При этом последние канонизируются, превращаются в кумиров, которые не могут ошибаться и гарантируют от ошибок тех, кто следует за ними.

Не существует мышления беспредпосылочного, опирающегося только на себя. Всякое мышление исходит из определенных, явных или неявных, анализируемых или принимаемых без анализа предпосылок, ибо оно всегда опирается на прошлый опыт и его осмысление. Но предпосылочность теоретического мышления и его авторитарность не тождественны. Авторитарность — это особый, крайний, так сказать, вырожденный случай предпосылочности, когда функцию самого исследования и размышления пытаются почти полностью переложить на авторитет.

Если все основное уже сказано или сделано авторитетом, на долю его последователя остаются лишь интерпретация и комментарий известного. Мышление, плетущееся по проложенной другими колее, лишено творческого импульса и не открывает новых путей.

Разумеется, авторитеты нужны, в том числе в теоретической сфере. Возможности отдельного человека ограничены, далеко не все он в состоянии самостоятельно проанализировать и испытать. Во многом он вынужден полагаться на мнения и суждения других. Но полагаться следует не потому, что это сказано «тем-то», а потому, что сказанное представляется правильным. Слепая вера во всегдашнюю правоту авторитета, а тем более суеверное преклонение перед ним плохо совместимы

с поисками истины, добра и красоты, требующими непредвзятого, критичного ума. Как говорил Б. Паскаль, «...ничто так не согласно с разумом, как его недоверие к себе». Авторитет принадлежит определенной человеческой личности, но авторитет личности имеет своим последним основанием не подчинение и отречение от разума, а осознание того, что эта личность превосходит нас умом и остротой суждения. Признание авторитета всегда связано с допущением, что его суждения не носят неразумно-произвольного характера, а доступны пониманию и критическому анализу.

Авторитарное мышление, характеризующееся неумеренными и некритическими ссылками на признанные авторитеты, довольно широко распространено в обыденной жизни. Это объясняется рядом причин. Одна из них уже упоминалась: человек не способен не только жить, но и мыслить в одиночку. Он остается «общественным существом» и в сфере мышления: рассуждения каждого индивида опираются на открытия и опыт других людей. Нередко бывает трудно уловить ту грань, где критическое, взвешенное восприятие переходит в неоправданное доверие к написанному и сказанному другими. Американский предприниматель и организатор производства Генри Форд как-то заметил: «Для большинства людей наказанием является необходимость мыслить». Вряд ли это справедливо в отношении большинства, но определенно есть люди, больше склонные полагаться на чужое мнение, чем искать самостоятельное решение.

Некий дофин Франции никак не мог понять из объяснений своего преподавателя, почему сумма углов треугольника равна двум прямым углам. Наконец преподаватель воскликнул: «Я клянусь Вам, Ваше высочество, что она им равна!» — «Почему же Вы мне сразу не объяснили столь убедительно?» — спросил дофин.

Случай с дофином, больше доверяющим клятве, чем геометрическому доказательству, — концентрированное выражение лени и нелюбопытства, которые, случается, склоняют к пассивному следованию за авторитетом.

Здравый смысл

Апелляция к здравому смыслу высоко ценилась в античности и развивалась как противопоставление мудрости («софии») и практического знания («фронесис»). Это противопоставление было теоретически разработано Аристотелем и доведено его последователями до уровня критики теоретического жизненного идеала. Практическое знание, руководящее поступками

человека, — это особый, самостоятельный тип знания; оно направлено на конкретную ситуацию и требует учета «обстоятельств» в их бесконечном разнообразии. Жизнь не строится исходя из теоретических начал и общих принципов, она конкретна и руководствуется конкретным знанием, оцениваемым с позиции здравого смысла.

Существенное значение придает здравому смыслу современная философская герменевтика, выступающая против его интеллектуализации и сведения его до уровня простой поправки: то, что в чувствах, суждениях и выводах противоречит здравому смыслу, не может быть правильным. Здравый смысл является необходимой предпосылкой не только всей человеческой жизни, но и гуманитарных и социальных наук, говорящих о ней.

Здравый смысл можно примерным образом охарактеризовать как общее, присущее каждому человеку чувство истины и справедливости, приобретаемое с жизненным опытом. Здравый смысл в основе своей является не столько знанием, сколько способом отбора знания, тем общим освещением, благодаря которому в знании различаются главное и второстепенное и обрисовываются крайности.

Здравый смысл играет особую роль в гуманитарной аргументации и при обсуждении проблем, касающихся жизни и деятельности человека.

Аргумент к здравому смыслу — это обращение с целью поддержки выдвигаемого положения к чувству здравого смысла, несомненно, имеющемуся у аудитории.

Здравый смысл — одно из ведущих начал человеческой жизни. Она разворачивается не под действием науки, философии или каких-то общих принципов, а под решающим воздействием здравого смысла. Именно поэтому он необходим гуманитарному ученому, исследующему моральное и эстетическое существование человека.

Прежде всего, здравый смысл проявляется в суждениях о правильном и неправильном, годном и негодном. Человек, обладающий здравым смыслом, не просто способен определять особенное с точки зрения общего, но знает, к чему оно действительно относится, то есть видит вещи с правильной, справедливой, можно сказать здоровой, точки зрения. Как говорит Гадамер, авантюрист, правильно рассчитывающий людские слабости и всегда верно выбирающий объект для своих обманов, тем не менее не является носителем здравого суждения в полном смысле слова.

Приложим здравый смысл прежде всего в общественных, практических делах. С его помощью судят, опираясь не на общие предписания разума, а скорее на убедительные примеры. Поэтому важнейшее значение для него имеют история и опыт жизни. Здравому смыслу нельзя выучить; чтобы его развить, нужны только упражнения. Он имеет двойственный, описательно-оценочный характер: с одной стороны, он опирается на прошлые события, а с другой — является наброском, проектом будущего.

Хотя здравый смысл касается в первую очередь социальной жизни, по своей природе он более универсален, так как способен судить о любой деятельности и ее результатах, включая теоретическую деятельность, ее постулаты и концепции. Однако в собственно теоретической области здравый смысл ненадежный советчик: от современных теорий резоннее требовать парадоксальности, чем соответствия устоявшимся представлениям о мире, суммирующимся здравым смыслом ученого. Апелляция к здравому смыслу неизбежна в гуманитарных науках, вплетенных в историческую традицию. Но эта апелляция редка и ненадежна в естественных науках, стремящихся абстрагироваться от своей истории.

Вера

Вера всегда субъективна. Она заставляет принимать какие-то положения за достоверные и доказанные без критики и обсуждения. В разные эпохи предметом искренней веры были диаметрально противоположные воззрения: то, во что когда-то свято веровали все, спустя время большинству представлялось наивным предрассудком. Вера затрагивает не только разум, но и эмоции; нередко она захватывает всю душу и означает не только интеллектуальную убежденность, но и психологическую расположенность. Вера противоположна сомнению и отлична от знания. Если человек верит в какое-либо утверждение, он считает его истинным на основании соображений, которые представляются ему достаточными.

В зависимости от способа, каким оправдывается вера, различают *рациональную веру*, предполагающую некоторые основания для своего принятия, и *нерациональную веру*, которая служит оправданием самой себе: сам факт веры считается достаточным для ее оправдания. Самодостаточную веру иногда называют «слепой». Например, религиозная вера в чудо не требует какого-либо обоснования чуда, помимо самого акта веры в него. Ни рациональная, ни тем более нерациональная вера не

гарантируют истины. Например, если кто-то твердо верит, что на Марсе тоже есть жизнь, то отсюда не следует, что это действительно так.

Существует мнение, что вера, прежде всего религиозная вера, не имеет ничего общего со знанием, поскольку вера и знание относятся к дополняющим друг друга, но не сопоставимым сторонам действительности. Например, физик М. Планк был убежден в том, что религия потому соединима с естествознанием, что они относятся к совершенно разным сторонам реальности. Естествознание имеет дело с объективным материальным миром. Оно ставит задачу формулировать правильные высказывания об объективной действительности и понять существующие в ней связи. Религия же имеет дело с миром ценностей и ведет речь о том, что должно быть. В естествознании говорится о верном и неверном; в религии — о добром и злом, о ценном и не имеющем ценности. Естествознание — основа технически целесообразного действия, религия — основа этики. Поэтому представляется, что конфликт между этими двумя сферами, начавшийся в XVIII веке, покоится на недоразумении, которое возникает, когда мы истолковываем образы и сравнения религии как естественно-научные утверждения, что, конечно, бессмысленно. Естествознание в известном смысле есть тот способ, каким мы подходим к объективной стороне действительности, каким мы разбираемся в ней. Напротив, религиозная вера есть выражение субъективного решения, в котором мы устанавливаем для себя ценности, упорядочивая в соответствии с ними свое жизненное поведение.

Соотношение знания и веры во многом неясно. Очевидно только, что они существенно переплетены, нередко взаимно поддерживают друг друга и разделение их и отнесение к разным, не соприкасающимся друг с другом сторонам действительности может быть только временным и условным.

Знание всегда подкрепляется интеллектуальным чувством субъекта. Предположения не становятся частью науки до тех пор, пока их кто-нибудь не выскажет и не заставит в них поверить.

Вера стоит не только за отдельными утверждениями, но и за целостными концепциями или теориями, прежде всего гуманитарными. Особенно наглядно это выявляется при переходе от старой гуманитарной теории к новой. Основные трудности их сравнения и выбора между ними связаны с разными системами верований, стоящими за ними.

Разные системы веры используют понятия, между которыми невозможно установить обычные логические отношения

(включение, исключение, пересечение); заставляют своих сторонников во многом видеть вещи по-разному, диктуют разные восприятия; включают в себя разные методы обоснования и оценки выдвигаемых положений. Именно этими чертами характеризуются и отношения между старой и приходящей ей на смену новой теорией, в силу чего переход от признания одной теории к признанию другой аналогичен «акту обращения» в новую веру и не может быть осуществлен шаг за шагом на основе логики и нейтрального опыта.

Ссылка на твердую веру, решительную убежденность в правильности какого-либо положения может использоваться в качестве аргумента в пользу принятия этого положения. Однако аргумент к вере кажется убедительным и веским, как правило, лишь тем, кто разделяет эту веру или склоняется к ее принятию. Другим аргумент от веры может казаться субъективным или почти что пустым: верить можно и в самые нелепые утверждения.

Тем не менее, как замечает Л. Витгенштейн, возможна ситуация, когда аргумент к вере оказывается едва ли не единственным. Это — ситуация радикального инакомыслия, непримиримого «разноверия». В таком случае обратиться к инакомыслящего разумными доводами невозможно и остается только крепко держаться за свою веру и объявить противоречащие взгляды еретическими, безумными и т. п. Там, где рассуждения и доводы бессильны, выражение твердой, неотступной убежденности может со временем сыграть какую-то роль. Если аргумент к вере заставит инакомыслящего присоединиться к противоположным убеждениям, это не будет означать, конечно, что данные убеждения по каким-то интересам субъективным основаниям предпочтительнее.

Аргумент к вере только в редких случаях выступает в явном виде. Обычно он подразумевается, и только слабость или неотчетливость приводимых прямо аргументов косвенно показывает, что за ними стоит неявный аргумент к вере. Иногда аргумент к вере маскируется специально, чтобы создать впечатление, будто убедительность рассуждения зависит только от него самого, а не от убеждений аудитории.

Аргумент к вере не так редок и не так предосудителен, как это иногда кажется. Он встречается в гуманитарных и других науках, особенно в периоды их кризисов. Он неизбежен при обсуждении многих общих вопросов, например вопроса о будущем человечества или вопроса о предпосылках художественного мышления. Аргумент к вере обычен в общении людей,

придерживающихся какой-либо общей системы веры. Как и все контекстуальные аргументы, он нуждается в определенной аудитории, сочувственно его воспринимающей. В другой аудитории он может оказаться не только неубедительным, но и попросту неуместным.

Интуиция

Интуицию обычно определяют как прямое усмотрение истины, постижение ее без всякого рассуждения и доказательства. Для интуиции типичны неожиданность, невероятность, непосредственная очевидность и неосознанность ведущего к ней пути.

Интуитивная аргументация представляет собой ссылку на непосредственную, интуитивную очевидность выдвигаемого положения.

В чистом виде интуитивная аргументация является редкостью. В «непосредственном схватывании», внезапном озарении и прозрении много неясного и спорного. Философ М. Бунге говорит даже, что «интуиция — это коллекция хлама», куда мы сваливаем все интеллектуальные механизмы, о которых не знаем, как их проанализировать или даже как их точно назвать, либо такие, анализ которых нас не интересует³. Поэтому, как правило, для результата, найденного интуитивно, задним числом подыскиваются основания, кажущиеся более убедительными, чем простая ссылка на интуитивную очевидность.

Тем не менее, интуиция существует и играет заметную роль в познании. Далеко не всегда процесс научного и тем более художественного творчества и постижения мира осуществляется в развернутом, расчлененном на этапы виде. Нередко человек охватывает мыслью сложную ситуацию, не вдаваясь во все ее детали, да и просто не обращая на них внимания. Особенно наглядно это проявляется в военных сражениях, при постановке диагноза и т. п.

Велика роль интуиции и соответственно интуитивной аргументации в математике и логике. Существенное значение имеет интуиция в моральной жизни, в историческом и вообще гуманитарном познании. Художественное мышление вообще немыслимо без интуиции.

Логiku и интуицию не стоит, как это иногда делается, противопоставлять друг против друга. Каждая из них необходима на своем месте и в свое время. Внезапное интуитивное озарение способно открыть истины, вряд ли доступные строгому логическому рассуждению.

³ См.: Бунге М. Причинность. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. С. 35.

Однако ссылка на интуицию не может служить твердым и тем более окончательным основанием для принятия каких-то утверждений. Интуиция дает интересные новые идеи, но нередко порождает ошибки, вводит в заблуждение. Интуитивные догадки субъективны и неустойчивы, они нуждаются в логическом обосновании. Чтобы убедить в интуитивно схваченной истине не только других, но и самого себя, требуется развернутое рассуждение, доказательство.

Вкус

Аргументация к вкусу — это обращение к чувству вкуса, имеющемуся у аудитории и способному склонить ее к принятию выдвинутого положения.

Понятие вкуса существенно уже понятия здравого смысла. Вкус касается только совершенства каких-то вещей и опирается на непосредственное чувство, а не на рассуждение. И. Кант характеризовал вкус как «чувственное определение совершенства».

Хороший вкус не является субъективным, он предполагает способность дистанцироваться от себя самого и групповых пристрастий. Можно отдавать чему-то предпочтение, несмотря на неприятие собственным вкусом. «Вкус по самой сокровенной своей сущности не есть нечто приватное; это общественный феномен первого ранга. Он в состоянии даже выступать против частной склонности отдельного лица подобно судебной инстанции по имени “всеобщность”, которую он представляет, и мнение которой выражает»⁴ (Х.Г. Гадамер).

Вкус — это не простое своеобразие подхода индивида к оцениваемому им явлению. Вкус всегда стремится к тому, чтобы стать хорошим вкусом и реализовать свое притязание на всеобщность. Хороший вкус уверен в своем суждении, он принимает и отвергает, не зная колебаний, не оглядываясь на других и не подыскивая оснований.

Вкус во многом приближается к чувству. В своем приложении он не располагает познанием, на чем-то основанном. Если в делах вкуса что-то негативно, то он не в состоянии сказать почему. Но узнаёт он это с величайшей уверенностью. Следовательно, уверенность вкуса — это уверенность в безвкусице. Определение вкуса состоит прежде всего в том, что его уязвляет все ему противоречащее, и он стремится избежать безвкусицы, как избегают того, что грозит травмой.

Понятию хорошего вкуса противостоит понятие «отсутствие вкуса», а не понятие «плохой вкус». Хороший вкус — это такой тип восприятия, при котором все утрированное избегает-

⁴ Гадамер Х.Г. Истина и метод. М., Прогресс, 1988. С. 329.

ся так естественно, что эта реакция по меньшей мере непонятна тем, у кого нет вкуса.

Широко распространено мнение, что о вкусах не спорят: приговор вкуса обладает своеобразной непререкаемостью. Кант полагал, что в этой сфере возможен спор, но не диспут. Причину того, что в вопросах вкуса нет возможности аргументировать, Гадамер видит в непосредственности вкуса и несводимости его к каким-то другим и в особенности понятийным основаниям.

Принцип «о вкусах не спорят» не является, однако, верным в своей общей формулировке. Споры о вкусах достаточно обычны. Гуманитарные науки, и в частности эстетика, искусствоведение (киноведение), а также и художественная критика состоят по преимуществу из таких споров. Когда выражают сомнение в их возможности или эффективности, имеют в виду, скорее, лишь особые случаи спора, не приложимые к суждениям вкуса.

Действительно, о вкусах невозможно вести дискуссию — спор, направленный на поиски истины и ограничивающийся только корректными средствами аргументации. Суждения вкуса являются оценками: они определяют степень совершенства рассматриваемых объектов. Как всякие оценки, эти суждения не могут быть предметом дискуссии или эклектического спора. Но об оценках возможна полемика — спор, цель которого победа над другой стороной с использованием только корректных приемов аргументации. Оценки, в частности суждения вкуса, могут быть также предметом софистического спора, тоже ориентированного на победу, но использующего и некорректные приемы. Таким образом, идея, что вкусы лежат вне сферы аргументации, нуждается в серьезной оговорке. О вкусах можно спорить, но лишь с намерением добиться победы, утверждения своей системы оценок, причем спорить не только некорректно, но и вполне корректно.

Мода

Вкус всегда претендует на общую значимость. Это особенно наглядно проявляется в феномене *моды*, тесно связанном со вкусом. Мода касается быстро меняющихся вещей и воплощает в себе не только вкус, но и определенный, общий для многих способ поведения.

Аргумент к моде можно считать частным случаем аргумента к вкусу. Он представляет собой ссылку на согласие выдвинутого положения с господствующей в данное время модой. А мода может существовать и в сфере научных исследований, например, мода на следование определенному направлению в науке.

⁵ Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. С. 187.

Вкус не сводится к правилам и понятиям и не является системой образцов, на основе которых выносятся оценочные суждения. Вкус присущ не каждому и предполагает не совпадение с суждениями всех других по любому конкретному поводу, а одобрение суждений вкуса некоторой идеальной общностью, совокупностью тех, кто тоже обладает хорошим вкусом. Вкус, отмечает Кант, «не говорит, что каждый будет согласен с нашим суждением, а говорит, что он *должен* согласиться»⁵.

Чувство вкуса и ощущение моды необходимы в тех областях, где единичное характеризуется с учетом того целого, которому оно принадлежит, и где само целое не является устойчивой системой правил или понятий. Вкус и мода говорят о том, подходит ли данное единичное ко всему другому, составляющему целое, вписывается оно или нет в это целое. Поскольку целое само только чувствуется, а не определяется сколько-нибудь строгим образом, принадлежность к нему единичного также можно только почувствовать, но не доказать.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что все рассмотренные приемы обоснования своей научно-исследовательской позиции активно используются в киноведческих исследованиях, однако часто это происходит на интуитивном неосознанном уровне. Необходимо вывести знание этих способов аргументации на рациональный уровень и пользоваться ими осознанно и методологически грамотно. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунге М. Причинность. — М.: Издательство иностранной литературы, 1962.
2. Гадамер Х.Г. Истина и метод. — М.: Прогресс, 1988.
3. Ивин А.А. Современная философия науки. — М.: Высшая школа, 2005.
4. Кант И. Критика способности суждения. — М.: Искусство, 1994.
5. Никитина И.П. Эстетика. — М.: Юрайт, 2012.
6. Фейерabend П. Избранные труды по методологии науки. — М.: Прогресс, 1986.

REFERENCES

1. Bunge M. Prichinnost [Causality]. — М.: Izdatelstvo inostrannoy literatury 1962.
2. Gadamer H.G. Istina metod [Truth and Method]. — М.: Progress, 1988.
3. Ivin A.A. Sovremennaya filosofiya nauki [The Modern Philosophy of Science]. — М.: Vysshaya shkola, 2005.
4. Kant I. Kritika sposobnosti suzheniya [The Critique of Judgement]. — М.: Iskustvo, 1994.
5. Nikitina I.P. Estetika [Aesthetics]. — М.: Yurayt, 2012.
6. Feyerabend P. Izbrannyye trudy po metodologii nauki [The Select Works on The Methodology of Science]. — М.: Progress, 1986.

Contextual Argumentation in the Humanities

Alexander A. Ivín

Doctor in Philosophy, Professor, Chief Researcher (Institute of Philosophy of RAS)

Irina P. Nikitina

Doctor in Philosophy, Professor, History and Philosophy Department (VGIK)

UDC 001.85

ABSTRACT: The ability to reason and argue your ideas is one of the major specified requirements for a scientist. All methods of argumentation are divided into universal and contextual ones. Universal argumentation methods (empirical and logical) are applicable to any audience. As opposed to universal methods contextual argumentation (nonuniversal) can work only with specific audiences. For instance, a reference to a certain tradition can have an effect only on those, who belong to this tradition; a reference to some authority is valuable to those, who acknowledge this authority, etc.

For a long period of time contextual argumentation has been considered nonrational or even irrational. One may ask how it is possible to refer to somebody's common sense, faith or taste if they change with time and are influenced by the environment. It became clear only in recent decades that neither humanities nor social sciences can do without contextual arguments related to a certain audience. The authors are defending the talking point about rationality of contextual argumentation.

Contextual methods of argumentation are used in all sciences, however in the humanities (culture studies, art history, esthetics, etc.) they are an essential element of argumentation. The article addresses specific contextual arguments necessary for substantiation of humanities knowledge: reference to tradition, common sense, authority, taste, fashion, etc. They are widely used in film study research, however, it often happens on a hunch. It is extremely important to bring this knowledge of argumentation methods to the rational level and use them consciously and with methodological expertise.

KEY WORDS: humanities, argumentation, universal argumentation, contextual (nonuniversal) argumentation, tradition, common sense, authority, faith, intuition, taste, fashion